

Свердловский сборник «Этимологические исследования» является прекрасным продолжением серии сборников по этимологии, начатой Уральским государственным университетом. Первый сборник «Этимология русских диалектных слов» вышел в Свердловске в 1978 г. и сразу завоевал популярность в широком кругу читателей-лингвистов. Новый сборник, как и первый, отличается большой корректностью исследований, привлечение значительного лексического материала, ранее не изученного и собранного самими составителями, интересные этимологические решения, а также широта проблематики — от финно-угорских, тюркских заимствований до анализа исконной славянской лексики, этимологий жгонских слов, экспрессивных образований и т. д.

Сборник открывается статьей О. В. Вострикова «Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья». В ней на основе анализа этнопонимов этой территории доказывается, что в русской среде долгое время существовал финно-угорский этнический компонент: наряду с русским населением существовали племена мери и чуди. Работа в целом посвящена рассмотрению не изучавшихся специально финно-угорских лексических элементов на территории Волго-Двинского междуречья. Финно-угорские по происхождению слова классифицируются автором по их распространению и источнику (прибалтийско-финские, саамские, пермские заимствования, а также заимствования, восходящие к вымершим финно-угорским языкам; выделена группа заимствований, имеющих параллели одновременно в прибалтийско-финских и саамском языках).

Здесь можно отметить особую ценность используемых автором материалов Севернорусской топонимической экспедиции, четкость в построении словарной статьи, как правило, широкий охват диалектных словарей, на основании которых определяется географический ареал слова, интересные этимологические решения, впервые вводимые в научный оборот.

В разделе «Прибалтийско-финские заимствования» к статье о слове *кулига* (8—9 с.) можно добавить из этимологической литературы еще статью Ю. И. Чайкиной «Еще раз о слове *кулига*»¹.

Востриков предлагает этимологию для слов *мяконик*, *мякки* 'небольшой круглый хлеб, каравай' — из прибалтийско-финских языков: фин. *toukku* 'большой каравай', карел. *töykkii* '(хлебный) комок, хлебный каравай' (с. 10—11). С этой точки зрения, возможно, представляют интерес также: иркут. *мякки* 'какая-нибудь стряпня из пшеничной муки: хлебы, булки', нерчин. *мякое* 'пшеничный хлеб, 'пшеничные лепешки', сиб. *мякие* 'пшеничные пироги, булки и шаньги' (Цомакион 141, 63, 27), новосиб. *мякки* 'свежевыпеченные изделия из кислого сдобного теста' (Новосиб. словарь. 308); яросл., волог. *микотана*, *микотана* 'ситный хлеб', перм. *микотка* 'ситная лепешка; ржаная лепешка' (Филин 18, 159); тобол. *мякотинны* 'мягкие, только что вынутые из печи булки' (Цомакион 181), также калин. *мяго* 'тесто' (Калининск. словарь, 131), которое, прочтем, может быть реконструировано и как **текько*. Автор прав, вероятно, утверждая, что образование различных диалектных форм в данном случае могло происходить под воздействием слова *мяккий*. Олон. *мягочки* 'окунья икра' (Куликовский 69) также может быть заимствовано из прибалтийско-финских языков; ср. карел. *töykkii* '(хлебный) комок, хлебный каравай'; ср. в формальном отношении заимствованное из финского новгор. *күжкочка* 'пирожок с кашей и луком' (Филин 16, 35).

К статье о слове *сузём* 'дальний лес; глухой ненаселенный лес', которое объясняется из прибалтийско-финских языков (с. 13), можно добавить еще и печор. *суземье* 'глушь, лесная глушь; возвышенное пространство, поросшее лесом'².

Слово *упаки* 'ступни; лапти без обор; старые разношенные ступни', 'вообще старая обувь' объясняется автором как заимствование «вероятно, из фин. *urokas* 'широкий башмак, сапог без голенища'» (с. 13—14). Может быть, из карельского? Об этом, как нам кажется, говорит записанный в колыхских говорах контекст к слову *упаки* (ед. *упака*) 'сапоги с загнутым носком' «*Упаки* были — корельско слово, но у нас употребляли; а по фински кёнги» (Кандалакша); *упаки* в этом говоре также — 'опорки, обувь с отрезанными голенищами' (Мер-

курьев 167). В новосибирских говорах также отмечено слово *уна́ки* в значении 'валенки', может быть, принесенное из Вологодской губернии переселенцами. «Катанки — тоже в Вологодской губернии *унак, унаки*, здесь вечно пимы в Сибири называли» (Новосиб. словарь 555). В форме *чупаки* и значении 'валенки, особенно обшитые кожей' слово отмечено Далем в вологодских говорах (Даль³ IV, 1378).

У слова *холуй* 'островок на реке; нанос из песка', 'куча мусора' может быть также этимологическое решение на славянской почве. Ареал слова гораздо шире, нежели только горы русского Севера и пермские: слово *холуй* представлено в рязанских говорах в значении 'опилки, отруби, высевки низшего сорта'³, а также с вторичным значением 'бездельник, лентяй' (Деулинский словарь 587). Вне русского языка слово есть в чешском, польском, словацком и нижнелужицком языках; оно возводится к корню **xol-* < **ksol-/skol-*; ср. **xoliti*. «В основе всех частных значений лежит значение 'стричь, резать'» (ЭССЯ 8, 65). Есть и ст.-рус. *холки*, хотя значение его неясно: приводится Срезневским без значения, с вопросом: «Ни горы, ни холма видѣти, ни холѣа, ни етеры земля» (Io. Злат. о Юс. Прекр. по сп. XV в.) (Срезневский III, 1385—1386). Срезневский предлагает для сравнения вят. *халуй* 'нанос от разлива, коим заволакиваются луга'.

Ю. П. Чумакова считает, однако, что славянская этимология *холуй* не бесспорна и указывает на наличие близких фактов в пермских языках и диалектах (ср. общеперм. корень **kól-* 'маленькое озеро, залив'). Вместе с тем она не исключает возможности заимствования и из западнофинского источника⁴.

Кроме этимологии, предложенной Калимой и принимаемой Востриковым для рус. *хорь, хорёк* 'островок на реке, мель' — из прибалтийско-финских языков (ср. фин. *kari* 'морской утес, песчаная мель и т. д.') (с. 14—15) можно предположить и иное этимологическое решение — отношение к корь, *корёк*. Такая этимология предложена О. Н. Трубачевым для картотеки ЭССЯ. Ср. значения слова *корёк*: ряз., тульск., волог., смол., новосиб., моск., калуж. 'кустарник; куст, растущий от пня дерева; заболоченное место, поросшее низким кустарником; группа деревьев среди поля на низменном месте; небольшой пруд, болото, расположенное на лугу или в поле; лес на острове; сухое место в лесу' (Филин 13, 86). Ср. также чеш. диал. *křok* 'куст' (< **křьrkъ*) (Bartoš 165). В подмосковных говорах *корь* — 'лесной остров', 'высокий кустарник' (Иванова. Подмоск. 222). Из значения 'лес на острове' могло развиться значение 'островок на реке'. Ср. упоминаемые Востриковым (с. 14) *мянда* 'плохая, болонистая сосна' и *мянда* 'топкое болото' (т. е. место, поросшее *мяндою*). О географическом термине *корь/корёк* см. также статью Смолицкой⁵.

К географии слова *няша* 'грязь со снегом; лед и снег, плывущие по реке' можно было бы добавить еще забайкал. *няша* 'трясина, ил, грязь с тиной, жидкое топкое дно озера; грязнуля, замарашка' (Элиасов, 247).

Слово *ямурйна* 'яма (в реке, на покосе, в лесу)', которое, согласно А. К. Матвееву (и Вострикову — с. 18), возникло в результате метатезы арханг. *яромина, ярма* 'яма в реке', интерпретируемого с помощью саамских или прибалтийско-финских данных, представлено в форме *яморйна* и значении 'неглубокая яма' в колыхских говорах (Меркуров 183). Ср. также камчат. *ямурйна* 'яма, рывина' (Камчат. словарь 194), тобол. *ямурйна* и *ямуринка* 'яма, ямка', нерчин. (е) *имурйна* 'сорная яма' (Цомакион 169, 53, 57), забайкал. *ямурйна* 'низкое место, котловина, место, которое заливается водой при паводках' (Элиасов 470). Эти данные расширяют географический ареал слова.

При этимологизации слова *курья* 'заводь, залив в реке; старое русло реки; яма в реке' (с. 22—23) можно было бы упомянуть еще точку зрения Б. А. Серебренникова, который видел в этом слове заимствование в конечном итоге (через коми *кигя* 'речной залив') из мансийского *гур* 'край, кайма, борт'+*ја* 'река'⁶.

Востриков, вероятно, прав, указывая на то, что *челпан/чолпан* 'круглый хлеб; горка' представляет собой контaminationю исконного и заимствованного слов (с. 25). Сюда можно добавить еще соликам. *челпан* 'вершина горы; небольшая гора округлой формы; холм, курган; шишка, небольшая опухоль или водяной подкожный пузырь; круглый хлеб из ржаной муки' (Соликам. словарь 676); том. *чолпан* 'сопка', тобол. *челпан, челпанеш* 'гребень холма' (Цомакион 199, 130), новосиб. *чолпан* 'бугор, возвышенность' (Новосиб. словарь 588); сюда же волог. *чувпан* 'пирог овсяник, челпан' (Даль³ IV, 1367).

На существование первоначального *челл/*чолл в значении *‘возвышенность, столб’, возможно, указывает также олон. *очалпэть* ‘остолбенеть’; ср. и иркут. *чильпэть* ‘быть, находиться где-либо, т о р ч а т ь’ (Иркут. словарь II, 123). Ср. укр. *чблпа* ‘лопатка, поставленная под углом к ручке, для выемки соли из соляных озер’ (т. е. что-то торчащее?) (Гринченко IV, 469). Все это можно возвести к праслав. *сълръ ‘гора, холм’ и далее к *(s)kel- ‘резать’. Рус. *челлнн*, *чоллнн* могло контаминироваться, вероятно, также со словом ч(е)лпан сиб. ‘кожаный мешок, в который буряты наливают масло’, ‘пузырь’, (Цомакион 35), иркут. ‘кутырь, кожаный мех или трубуха, на сало, масло, пузырь’ (Даль³ IV, 1302), забайкал. *челлнн*, *чоллнн* и *чуллнн* ‘кусок жира весом в 8—10 кг; пузырь для хранения масла’ (Элиасов 452), ср.-обск. *челлнн* ‘замороженное в форме пилляндра масло’, *чуллнн* ‘род вместилища для перевозки сала’ (Словарь Оби. Дополнение II, 264, 270). Возможно, это заимствование из тюркских языков?

К статье о галич. *Вася-мбля* ‘мелкий окунь’ (Востриков высказывает предположение, что компонент *Вася* может восходить к какому-либо финно-угорскому языку, субстратное слово сближено с рус. *Васька*. — с. 27) можно добавить еще арханг. *васюха* ‘форель, обитающая в ручьях, ручейная форель’, ‘мелкая рыбка’. «Так называется маленькая, особого рода рыбка, обитающая в лужах, лывах, лятах и т. п. водохранилищах» (Филин 4, 67); ср. еще название божьей коровки *вася* в донских говорах (Донск. словарь I, 56). Любопытно, что в Костромской же губернии (на Ветлуге, 1894 г.) записаны прозвища, одним из компонентов которых является имя *Вася*: *Вася-тарарушка* ‘прозвище человека, без умолку и часто говорящего, тараторящего’, *Вася-тяник* ‘прозвище слабого, тщедушного человека’; *Вася-Ганя* (значение неизвестно), *Вася-мигало* ‘прозвище часто мигающего человека’, *Вася-пена* ‘прозвище слюнявого человека’, *Васька-обручник* ‘прозвище человека, набивающего обручи (на бочки и кадки)’ (Филин 4, 67). Название мелкого окуня *Вася-мбля* выстраивается как бы в один ряд с этими прозвищами. Мотивы употребления имени *Вася* в этих прозвищах не ясны. Ср. также неясное употребление этого имени в контексте, записанном мною в Калининской области: «Съешь все, оно и Вася» (обращение к ребенку).

Название *Вася-мбля*, с другой стороны, можно связать с названием *вса-рыба* ‘рыба Abramis leuckartii Heckel, сем. карповых (без указ. места), название помеси плотвы (*Rutilus rutilus*) и леща (*Abramis brama*) на Днепре, а также воблы и леща на Волге’ (Филин 5, 224), где компонент *вса* может быть заимствованием.

Слово *тохта*, *тохтá* ‘дерево с гнилой сердцевинной, пыль, отлетающая от зерна, когда его мелют на мельнице; лежалый заплесневелый продукт; отходы при обмолаоте овса, ржи, клевера и т. д.’ объясняется Востриковым (с. 37) как заимствование из прибалтийско-финских языков, ср. фин. диал. *tohka* ‘всяческие вещи, разнообразные товары, хлам, мусор, пыль, крошки’ и т. д. В забайкальских говорах известно также слово *тухтá* ‘ложный слух, ложные сведения’ (Элиасов, 419).

Слова *харавей*, *харовей*, *хоровей*, *хáравесь*, *хáраветь* ‘иней на деревьях, появляющийся после оттепели в сильный мороз; иней от дыхания человека, животного’ и *захараветь*, *захароветь*, *захороветь* ‘покрыться инеем’, объясняемые автором как заимствованные из прибалтийско-финских языков (ср. фин. *hártä* ‘иней, пена (пивная) и т. д.’) могут иметь этимологию и на славянской почве: к и.-е. *(s)kel- ‘резать’⁷. Ср. волог. *захоробеть* ‘замерзнуть (о гризях, замерзающей осеюю в первый раз, еще без снега)’ (Филин 10, 154); ленингр. *корвина* ‘кора’, олон. ‘шершавое место на доске’ (Филин 14, 352). Слово *харавей* (*харовей*, *хоровей*) может быть также сложением *хоро* (*коро*) и *вей*, а *хáравесь* < *хоро* (*коро*) + *весь*; ср. тороп. псков. *лоховес* (< *лохо* + *весь*) ‘растяпа, рогозей, дуралей’ (Филин 17, 163); ср. блр. *нiвiсь* ‘иней’⁸, укр. *навiса* ‘свесившийся с деревьев и пр. снег’ (Гринченко II, 470). Интересно также пермское наречие *сбей-харавей* ‘неосновательно, легкомысленно, наугад, без толку’: «Он сделал шкаф *сбей-харавей*» (Даль³ IV, 39).

К статье на слово *хива*, *хивя* ‘ржаная мякина’, которое Востриков объясняет как заимствование из какого-либо субстратного языка (ср. фин. *juvá*, *juváš* ‘хлебные закрома’ и т. д. — с. 40), можно добавить моск. *хивá* в значении ‘сброд’ (запись моя. — Т. Г.). Вероятна связь слова *хива* ‘ржаная мякина’ с арханг. *хивок* ‘легкий ветерок’ (Подвысоцкий 183) и *хивить* ‘слегка волновать воду’ (Даль³ IV, 1181).

Чабра 'мелкий густой труднопроходимый лес на сыром месте' связывается Востриковым с рус. диал. *согра, шогра и шохра* (с. 41). При этом можно упомянуть этимологию *согра*, предложенную Б. А. Серебrenниковым: из манс. *tärgä* 'сосна' (хант. соответствие — *tegar* 'небольшая молодая ель, высокая стройная ель')⁹.

Слово *шакшб*, зафиксированное СТЭ в значениях 'снег и лед, плывущие по реке; снег, смешанный с водой, месиво из мокрого снега на весенней дороге, грязный сырой снег; отходы при обмолоте клевера или конопли', автор связывает с арханг. *шакшб, сакиша* 'мох на деревьях', причем отмечает, что в олонечких говорах *шакшб* — 'остатки от топленого масла; засохшая грязь'. Он считает, что эти слова восходят к различным формам финно-угорских языков [ср. коми-зыр. *шактар* 'древесный хлам, сор (нанесенный весенним половодьем), накипь', *šakta, šasta, šašta* 'вид мха *Stikta pulmonaria*' и т. д. (с. 41—42)]. Сюда можно добавить псковское *шакшб* — 'нагромождение льда с острыми гребнями; донный лед, всплывший на поверхность', *шакшны* — 'полосы столкновения льдин, замерзших и занесенных снегом, возникающие до окончательного смерзания поверхностных слоев воды'¹⁰. К географии слова *шалыга, шальга* 'лужайка, поляна в лесу, открытое чистое место в лесу', которое, по мнению автора, может быть связано с каким-то вымершим финно-угорским языком (с. 43) можно добавить еще подмоск. *шалыга* 'поляна с травой, пригодной для покоса' (Иванова. Подмоск. 544).

Статья А. С. Кривошековой-Гантман посвящена одному из аспектов актуальной темы — взаимодействие русского языка с языками народов СССР, а именно: коми-пермяцким заимствованиям в русских говорах Верхнего Прикамья. Это еще один плодотворный шаг в освещении вопроса. Коми-пермяцкие заимствования выявляются автором при анализе различных диалектных материалов по русским говорам Верхнего Прикамья, собранных пермскими диалектологами; использованы, в частности, данные картотеки «Словаря говора д. Акчим Мутихинского сельсовета Красновишерского района Пермской области» (Пермский гос. ун-т). В статье приводится 70 коми заимствований, известных русским говорам на территории Верхнего Прикамья. Впервые анализируются также заимствования, как *вополь, зюльк, ижман, калтык, курка, норос, нятя, пелькешу, пыром, тупка, шуль*. При этимологизации слова *чаром* 'легкий наст, обледеневшая корка на снегу' (с. 50), может быть, следовало бы упомянуть также форму *чарым* перм., сиб. 'легкий наст' (Даль³ IV, 583).

Слово *лыч* 'стебли корнеплодов' Кривошекова-Гантман сравнивает с коми-перм. (сев.) *лыч*, кудым. *лыч* 'ботва картофеля, репы, брюквы', коми-зыр диал. *лыч* то же и отмечает, что направление заимствования неясно (с. 54). Слово *лыч* 'стебли корнеплодов' кроме говоров Верхнего Прикамья известно многим другим: это вят., волог., калин. *лыч* 'листья и стебли, ботва корнеплодов, овощей (брюквы, моркови, репы, свеклы)', вят., свердл. 'листья и стебли картофеля', калин., волог. 'листья и стебли свеклы', калин. 'листья и стебли брюквы', новгор. 'листья и стебли репы', вост. 'листья и стебли редьки'; казан. *лычи* 'огуречные листья и стебли', смол. *лычики* 'ботва свеклы' (Филин 17, 227, 228); ср.-урал. *лыч* 'стебли картофеля, огурцов, гороха, хмеля, тыквы' (Сл. Сред. Урала II, 107). В московских говорах записано *лучбвина* 'ботва картофеля и свеклы', *лучбве* то же, в воронежских — *лучбве* то же, 'стебли гороха; огуречные плети' (Филин 17, 212). Как мы видим, ареал слова слишком широк для того, чтобы считать его узким локальным заимствованием. Возможно, что оно связано со словом *лыко* (которое далее родственно др.-инд. *lūcati* 'рвет, дергает, обдирает, шелушит' — Фасмер II, 541) и первоначально значило 'то, что отделяется'. Сюда же, видимо, укр. диал. бойк. *лыч'е* (**lyč'je*) 'твердая внутренняя оболочка гороха или фасоли'¹¹.

При этимологизации слова *чемёр* 'головная боль; сверхъестественная сила, которая, по суверенным представлениям, забирается в голову и вызывает головную боль', выведенного автором (вслед за Лыткиным) из коми *чомёр* с исходным значением 'дух, бог хозяйства, бог урожая, земледелия, семейного благополучия' (с. 57), нужно принять во внимание также возможность объяснения его происхождения на славянской почве (ЭССЯ 4, 52—53). Ср. хотя бы донск. *чемёрь* 'боли в животе у лошади' (Донск. словарь III, 189); болг. *чём'ър* 'дьявол'¹².

Прикам. *шиликун, шуликун, шуликун* 'тот, кто наряжается в кого-либо во время святков' автор связывает с коми-перм. *кулошун* 'водяной дух', предполагая метатезу и диссимиляцию гласных (с. 57—58). Материал можно расширить за счет арханг. *шалыка(у)н* 'окрутник, наряженный о святках' (Даль³ IV, 1392), перчин. *шелюкун, шелюк* 'так называют ряженных на святках, надевающих маски', забайкал. *шиллыкуны* 'группа играющих детей', *шуликэн* 'святочный пирог' (Элиасов 463).

Этимологии двух русских диалектных слов предлагаются в статье А. К. Матвеева. Рус. диал. *тиша* в значении 'старлица', записанное Севернорусской Топономической экспедицией в говорах по правому притоку Северной Двины, объясняется автором как прибалтийско-финское заимствование (ср. фин. *tiikki*, диал. *tiikka, tiiki*, эст. *tiik*, ливск. *dīķ*), восходящее в конечном итоге к германским источникам (точная параллель в нем. *Teich* 'пруд'). В связи с этим любопытно отметить, что в среднем Поочье записано название озера на месте старого русла реки — *Тишь*: «Озеро Переметское съ истокомъ, что идет въ болѣшую Тишь. . . , озеро *Тишь* городицкая, гдѣ бывала старая рѣка Ока. . . , озеро Тишь Яселова съ истоки и съ протоки (Кн. п. Ряз. II, 505. XVII в.). Озѣро» *Старое Тишь* (МГМ). Гидр. Оки, 126 XVIII в. На основании этих данных Г. П. Смолицкая реконструирует апеллатив *тишь* в значении 'пойменное озеро, старика подковообразной формы'¹³.

Во второй части своей статьи А. К. Матвеев затрагивает проблему этимологии трудного рус. диал. *шихан* 'крутой холм; вершина горы; льдины, нагроможденные ветром; лесная глушь с оврагами', связывая его с рус. *шиш, шишка*; не исключая, впрочем, возможности заимствования, в первую очередь из тюркских языков. Здесь можно добавить, что слово *шиханы* в значении 'холмы, бугры из льда, образующиеся на море, причем льдины встают большою кучею друг на друга в самых разнообразных положениях' записано в уральских говорах¹⁴; в забайкальских говорах *шихан* — 'льдина, стоящая ребром', *шахан* 'ребристая скала, встречающаяся под золотоносным слоем песка' (Элиасов 464, 460). Нельзя ли считать источником заимствования киргизский язык (ср. кирг. *шкан* 'чирей' — Радлов IV, 1067)? С другой стороны, ср. пещор. *шир* 'самый верхний позвонок птицы'¹⁵.

М. Э. Рут в своей статье достаточно убедительно этимологизирует севернорус. *тырега/кярега* 'ремешок из ивовой коры, которым привязывают косу к ручке' из вепс. *käre, käre, käre* 'завертка косы', *käref* 'вязка, завертка' от *kärda, kärda* 'завертывать, обертывать'; по аналогичной модели ('завертывать' → 'завертка косы') возникли, по мнению автора, и *инега, нидега, мидега* 'то же, что кярега' (ср. фин. *nioa* 'вязать, связывать, прикреплять; плести', *nje, nje, nive* 'завязка, крепление ручки косы' и т. д.). Термин *корега* 'полоска ивовой коры или жести, крепящая косу к косовицу' находит по мнению Рут соответствие в вепс. *kořef* 'ремешок в хомуте, которым связывают хомутину и клеши хомута вместе'.

Статья С. М. Стрельникова посвящена интересной теме — этимологии жгонских слов. Это продолжение исследований жгонского языка, предпринятых ранее Н. Виноградовым, А. И. Поповым, В. Д. Бондалетовым, С. М. Стрельниковым. Автор приводит новые данные о заимствованиях в арго шерстобитов-отходников из удмуртского и марийского языков, при этом им использованы записи жгонского языка, сделанные Севернорусской топонимической экспедицией. Группа арготизмов *жгонить* 'бить жерсть', *жгон* 'шерстобит', *жбника* 'отхожий промысел пимокатов' и т. д., по мнению автора, восходит к удм. *ыж гон* 'овечья шерсть', 'шерстяной', а выражение *жгонский язык* переводится им буквально как 'шерстяной язык'.

В статье Т. Н. Дмитриевой рассматриваются тюркизмы в русских говорах Нижнего Прииртышья. Этимологизируются тюркизмы, записанные во время экспедиций (СТЭ) Уральского университета в этом районе в 1975—1976 гг., многие из них зафиксированы впервые, причем анализируются заимствования преимущественно узколокального распространения, не известные вне региона и близлежащих территорий. Автором подчеркивается, что большинство заимствований — из диалекта западносибирских татар.

Ж. Ж. Варбот в своей статье рассматривает потенциальные лехитские заимствования в русском языке. Она отмечает, что есть большие перспективы в сопоставлении русской лексики с лексикой лехитской группы, не-

смотря на изученность вопроса. Автором анализируются рус. диал. *сўльчина* 'сырое пресное тесто' и *шаромыга*, *шеромыга* 'любитель пожить на чужой счет, жулик, обманщик'. Новгородский диалектизм *сўльчина* объясняется Ж. Ж. Варбот как заимствование из польского языка (ср. польск. *sulać* 'мять, давить, стискивать' и *sulka* 'шарик из теста'). Для рус. *шаромыга*, *шеромыга* автор считает источником заимствования польский или кашубский язык: ср. польск. *siernęga* 'сермяга', кашуб. *šerňaga*, *šurňaga* 'бродяга, оборванец, кляча'. Значение кашубского слова, по мнению Ж. Ж. Варбот, вторично по отношению к значению 'грубая ткань; одежда из грубой ткани'. Для польск. *siernęga*, кашуб. *šerňaga*, *šurňaga*, укр., блр. *сермяга* предполагается заимствование из гнезда лит. *širmas* 'серый, сивый'.

И. П. Петлева в статье «К этимологии рус. *колошматить*» анализирует происхождение этого глагола, представленного и в других восточнославянских языках. Подчеркивая изолированный характер данного глагола в украинском и русском языках, автор предполагает его возникновение на белорусской почве как производного от прилагательного *калашматы*, с дальнейшим распространением в соседние русские и украинские говоры. Блр. *калашматы* 'лохматый' интерпретируется автором как образование от *лахматы* 'лохматый' с помощью архаичного префикса *ко-*, *ка-* (иллюстрируемого многочисленными материалами из славянских языков).

Ю. В. Откушников в статье «О происхождении слова *верига*» полемизирует с И. Г. Добродомовым, который предполагает тюркское происхождение слова. Автор уточняет в словообразовательном и семантическом отношении этимологию слова *верига*, относя его к праслав. **ver-ti* 'вить' < и.-е. **ver-* 'вить' [ср. *верѣтъ* 'плести (лапти, корзины, сети и т. п.)' в олонецких говорах]. При этом уточняется этимология некоторых других родственных слов. Ср. еще рус. диал. *шеверенька* 'корзина', которое также восходит к праслав. **ver-ti* 'вить'¹⁶.

В статье «К этимологии слова *стерлядь*» В. А. Чернова дается интересное решение происхождения этого слова на славянской почве и отвергается версия о заимствовании из германских языков. При этом формы *sterlet* (польск.), *sterled* (чеш.), *sterlet* (англ.), *sterlet(t)* (нем.), *sterlet* (франц.), *Sterlet* (швед.) трактуются В. А. Черновым как заимствованные из русского языка. Автор приводит убедительные доводы против того, что слово *стерлядь* может восходить к нем. *Störling*, используя при этом данные зоогеографии. К числу достоинств статьи относится то, что исконность происхождения слова аргументируется экстралингвистическими данными. Слав. **sterlědъ* возводится В. А. Черновым к и.-е. **stǵr-* или **stǵr-* 'стоять', 'торчать' → 'шип' (т. е. 'нечто торчащее'). В основу названия рыбы, по мнению автора, было положено представление о чем-то заостренном (имеет заостренную голову и хвост).

В статье «Заметки по русской диалектной лексике» В. А. Меркуловой даются этимологии нескольких русских слов. Это употребленное в северных сказках, записанных Н. Е. Очучковым, слово *щевер* 'дурной запах и треск от горения', которое относится Меркуловой к ст.-слав. *сѡвѣра* 'чад сжигаемого жира, запах сжигаемых жертв' вместе с родственным *щеврица* 'вид жаворонка'.

Второй этюд статьи посвящен этимологии слова *кряное* 'приданое; свадебные гостинцы', которое связывается автором со ст.-слав. крити 'купить', крнѣти 'купить, покупать'. При этом автор прослеживает последовательно обрядовые свадебные отношения, в которых большое значение имел выкуп. По мнению Меркуловой, *кряное*, *кряны* образовано путем субстантивации отглагольного прилагательного *крян-*. Здесь можно было бы упомянуть и этимологию Даля В. И., который связывал исследуемую лексику с *крѡить* (Даль² II, 200).

В третьем этюде автор рассматривает слово *обрѣча* 'бархоут (дошата обивка судна с наружной стороны, делаемая в два, три или более рядов, смотря по вышине судна)'. Оно связывается с **оброчить* (ср. *рочѣтъ веревку* 'задеть, зацепить; привязать, закрепить', *рочѣтъ* 'задевать' и т. д.); **ročiti* же трактуется как слово, восходящее к и.-е. **ark-* 'гнуть, вязать, плести'.

Завершает статью Меркуловой этимология севернорусского глагола *шѣять* 'гореть без пламени, тлеть'. Реконструируемый предположительно праслав. глагол **šajati* 'совершать колебательные движения, двигаться (о струях теплого воздуха); растворяться, таять, плавиться', восходит, по мнению автора, к и.-е. **skēi-* 'приводить в движение, быть в движении'. Здесь можно указать еще ва-

рийн *шайт* — *чайт*, записанный в Иркутских говорах: «Аднā галавёшка астайоцца и *чайат*» (Иркут. словарь III, 132).

Л. В. Доровских в своей статье этимологизирует рус. прост. *ошмётки*, *ошмётки* 'остатки лаптей, обуви; рваные, изношенные лапти', 'комки грязи или снега, земли и т. п.' Первоначальной формой, по мнению автора, является *осметок*, которое далее рассматривается в ряду слов с корнем *мет-* (*метать, метсти*). Автор использует в статье богатый диалектный материал.

Няти русским словам посвящена статья Л. В. Куркиной 'Заметки по русской этимологии: *изнахратить(ся)* 'испортить(ся), изломать(ся)' (толкуется как продолжение в фонетическом измененном виде глагола *кретать, крятать* 'двигать, трогать с места'); кубан. *изляк* 'узел' (возводится к слав. **lęk* 'кривой, изогнутый'); вят. *клогик* 'род сохи, изваливающей пласт земли только на одну сторону, косуля' (связывается с глаголом *кленать* 'ковать (холодное железо); отбивать молотом', ср. близкое соответствие в словенском языке: диал. *klor* 'название нижней части плуга'); полесск. *сморжжы* 'скрученная нитка, перекрученная пряжа, собирающаяся в неровности' (трактруется как образование от глагола, представленного рус. *сморгать, шморгать* 'шмыгать, очищать прут от листьев; воровку от костры', укр. *шморгати* 'дергать, ощипывать, очищать', блр. *смораць* 'часто шмыгать носом'); тамб., казан., курск. *завь* 'продольная трещина на дереве от сильного мороза' (архаичное образование, по мнению автора, от глагольной основы **zъb-*, представляемой ст.-слав. *завь хатаѣаиу*, др.-рус. *завьнжнн* *ѡлаѣѡнѡ* с первоначальным значением 'раздирать'). К последнему толкованию ср. также словен. *razzěba* 'трещина вследствие мороза; что-либо выветрившееся', *razzěbsti* 'треснуть от мороза' (Хостник, 258).

В статье Э. С. Мусихиной 'Историко-семасиологические наблюдения над некоторыми северно-русскими диалектизмами' анализируются особенности развития семантических процессов в словах из сферы бытовой лексики. В статье использованы материалы СТЭ, в собрании которых участвовала сама Э. С. Мусихина; приведен для сравнения большой диалектный материал и данные других славянских языков.

Т. В. Матвеева в интересной статье «Оценочная внутренняя форма как средство экспрессивности» рассматривает ряд экспрессивных мотивированных глаголов в их семантических взаимоотношениях с мотивирующими лексемами экспрессивными и неэкспрессивными. Автором подчеркивается, что оценочная сторона семантики мотиватора — важное средство в образовании производных экспрессивных глаголов.

Сборник завершается статьей Н. И. Зубова «О теониме *Мокошь*». Автор считает, что для *Мокошь* вероятна первичная форма *Мокочь*, которая могла восходить к праслав. **mokuty*, заимствованному из иран. **mākantis* (**mekantis*) 'сок деревьев; жидкость, находящаяся в деревьях'. Н. И. Зубов приводит несколько белорусских топонимов: *Мѡкшава Балбта, Макуты (Макуты)* от фамилии *Макут, Мѡкуш, Мокуть* как реальные соответствия праслав. **mokuty* из иран. **mākantis* (**mekantis*). Параллельно с *Мокошью* автор рассматривает этимологию теонима *Мора* (имя божества, стоящего, по его мнению, очень близко к *Мокоши*), связывая его с праслав. **mor-* в значении 'болото, стоячая вода'.

Учитывая глубину предлагаемого в статьях анализа как заимствованной русской лексики, так и русской лексики исконно-славянского происхождения, следует отметить, что сборник «Этимологические исследования» представляет большой интерес для специалистов по истории и этимологии русского и других славянских языков.

¹ Чайкина Ю. И. Еще раз о слове *кулига*. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 176—185.

² Ивашко Л. А. Картотека Печорского областного словаря (ЛГУ).

³ Будде Е. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ, XXVIII, 1892, 67.

⁴ Чумакова Ю. П. О семантической мотивации топонимов с основой холуй. — В кн.: Исследования по семантике (семантические классы единиц). Уфа, 1980, 51.

- ⁵ *Смолицкая Г. П.* Географический термин *корь/корёк*. — В кн.: Местные географические термины. М., 1970.
- ⁶ *Серебренников Б. А.* Этимологические заметки. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 209.
- ⁷ *Горячева Т. В.* Заметки по этимологии русских народных метеорологических терминов. — В кн.: Этимология 1977. М., 1979, 104—105.
- ⁸ *Арашонкова Г. У.* У слоўнік народнай мовы. — В кн.: Народнае слова. Минск, 1976, 19.
- ⁹ *Серебренников Б. А.* Этимологические заметки. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 211.
- ¹⁰ *Маштаков Л. Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931, 114.
- ¹¹ Картоотека ЭССЯ.
- ¹² *Ковачев Н. П.* Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиево. — В кн.: БД V, София, 1970, 48.
- ¹³ *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка (проблема реконструкции). Автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. М., 1981, 29.
- ¹⁴ *Маштаков Л. Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931, 115.
- ¹⁵ *Ивашко Л. А.* Картоотека Печорского областного словаря (ЛГУ).
- ¹⁶ *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике II. — В кн.: ОЛЯ 1972. М., 1974, 208—211.

Т. В. Горячева

Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Begründet und herausgegeben von J. Schröpfer. Bd. I. Lief. 1/2, 3/4. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1979—1981.

Четырьмя небольшими сдвоенными выпусками начал выходить в свет «Словарь сравнительной ономастологии» (далее ССО), оригинальный труд, издаваемый заслуженным профессором Гамбургского университета Й. Шрепфером. Пока перед нами только небольшая часть масштабного издания, продолжающего традиции широко известного словаря К. Д. Бака (С. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas. Chicago 1949; 1965; 1971). Вышедшие в свет выпуски ССО содержат, помимо пространного введения, лишь небольшое количество непосредственных материалов словаря — несколько десятков словарных статей из 300 или 500, составляющих содержание первого тома. При этом речь идет даже не о готовых статьях, а о компонентах статей (Stichwortteile 0, 1), образующих серию А (Ausgabe А) ССО, за которой позднее появится серия В, включающая дополнительные компоненты этих статей (Stichwortteile II, III, IV). В полной мере о новом труде можно будет судить лишь по мере выхода очередных выпусков.

Как и «словарь синонимов» Бака, ССО, в самых общих чертах, представляет собой взятое из различных языков собрание синонимов для обозначения признаваемых «ключевыми» понятий, с привлечением сведений по этимологии или истории этих синонимов. Предполагается, что новый словарь получит весьма разнообразное применение в лингвистике, и в частности, в этимологии, а также в смежных дисциплинах. Этимология должна будет найти в лице ССО, помимо прочего, источник сведений по семантической типологии, удовлетворяющий ее потребность в знании возможных или наиболее вероятных, повторяющихся семантических связей (ср. «Die Kenntnis. . . über das, was semantisch . . . möglich ist», S. XIV—XV). Не нуждается в доказательствах тот факт, что такой справочник относится к числу наиболее значительных desiderat этимологии и общеизвестная потребность в нем теперь далеко не удовлетворяется (и не удовлетворялась с самого начала) словарем Бака. Этот словарь стал, по сути дела, лишь первой апробированной в науке попыткой найти подходящую форму для указанного справочника, и для нас существенно, что ССО пошел по пути развития варианта этой формы, найденного словарем Бака, хотя в свое время О. Н. Трубачевым было показано, что этот вариант не является единственно возможным (см. ниже).